

Статья проф. Б. Тержан «В поисках Медеи — исследование по раннему железному веку Кавказа» — яркая и интересная работа, посвященная анализу имущественно-социальной градации и погребальной обрядности одного из ярчайших памятников Центрального Кавказа. Исследовательницей, на основе серьезного анализа обширных материалов Тли, представлена картина социальной стратификации общества — выделены ранжированные мужские и женские погребения.

Другим направлением исследований автора рассматриваемой статьи является погребальная обрядность могильника Тли и связь этой обрядности с известным мифологическим сюжетом. В целом, связи древнегреческой мифологии и Кавказа, кавказской мифологии давно отмечены исследователями. В основе их лежат древние ареальные контакты населения Кавказа с Малой Азией и Грецией. Мифы об аргонавтах, Прометее — лишь наиболее яркое отражение этих связей. Предполагается, что и одним из прототипов Медеи послужила почитавшаяся в Колхиде солнечная богиня (Мифы народов мира 1987: 131). А возможно, и жрицы-колдуньи этой богини.

В этом контексте выводы проф. Б. Тержан позволяют лучше понять идеологию древних жителей Кавказа, прочувствовать за мифами черты реальных верований и культов. Анализируя погребальную обрядность Тлийского могильника, исследовательница выделяет ряд черт, которые можно соотнести с мифологическими представлениями, отразившимися в мифах о Медее. Тем не менее вывод автора о том, что «<...> параллели между отдельными чертами погребального обряда могильника Тли и элементами мифа о Медее настолько удивительны, что, пожалуй, позволяют предполагать, что миф твердо укоренился в религиозных представлениях и культовых действиях, особенно погребальных обрядах, типичных для периода поздней бронзы и раннего железного века в Тли, и что погребальные обычаи и миф о Медее оказывали взаимное влияние друг на друга», мне представляется, все же, в значительной мере гипотетическим.

Не вдаваясь в детальный анализ выводов автора о том, насколько конкретные черты погребальной обрядности могильника Тли отражают миф о Медее, хотелось бы обратить внимание на некоторые заключения. В частности, речь идет об истолковании богатых женских погребений как погребений жриц. Отличительные черты таких погребений — это наличие статусных предметов, а также статуэток и изображений барана и иных культовых предметов.

Некоторые параллели указанным наблюдениям можно найти и в археологических материалах Северо-Восточного Кавказа. Памятники этого региона рубежа эпох поздней бронзы и раннего железа немногочисленны и пока недостаточно хорошо изучены. Однако среди них можно выделить расположенный в центральной части равнинного Дагестана могильник Акяр, на котором было исследовано 21 погребение в каменных ящиках (подробнее об Акярском могильнике см. Давудов 2002: 56–98). Для нашей темы интерес представляют два наиболее хорошо сохранившихся погребения взрослых женщин (№ 5 и 7), которые содержали многочисленный и разнообразный инвентарь. Для этого

периода и региона погребения весьма богаты, и, несомненно, они принадлежали представительницам высших слоев общества.

В каменном ящике № 5 была погребена пожилая женщина в сильно скорченном положении. Сопровождавший ее инвентарь состоял из двух деревянных сосудов и обширного набора украшений, в том числе гривны (рис. 1: 20), многочисленных подвесок из бронзы и железа (рис. 1: 10, 15–16, 30–34), гвоздевидной головной булавки (рис. 1: 29), парных браслетов (рис. 1: 23, 25), бронзовой литой бляхи (рис. 1: 17). Особенно интересен комплект пронизей и подвесок, вероятно, нанизанных на шнурок и переброшенных в виде ленточки от головного убора на спину. На конце его находилась одна секировидная подвеска (рис. 1: 6–9, 18–19, 21, 27–28, 35). Здесь же была обнаружена подвеска в виде головы барана с выступом на лбу — вероятно, солярным знаком (рис. 1: 14). Подобные отметины на подвесках в виде голов баранов встречаются и на кобанских изделиях, что отражено и на рис. 13, приведенном в анализируемой статье Б. Тержан.

В каменном ящике № 7 (рис. 2) находилось погребение скорченной на левом боку молодой женщины в сопровождении многочисленных керамических и деревянных сосудов, бронзовых и железных украшений. Как и в вышеописанном погребении, часть украшений была нанизана на шнур, ниспадавший на спину. В их числе была и топовидная подвеска (рис. 3: 20). Также среди украшений были бронзовая бляха, шейная гривна (рис. 3: 26), гвоздевидная головная булавка (рис. 3: 16), бронзовый браслет (рис. 3: 3). Расположение украшений и содержание набора во многом совпадают с набором украшений и его положением в погребении № 5.

Сохранившиеся детали одежды и их расположение в погребении позволяют реконструировать систему украшений костюма. Можно предполагать наличие достаточно сложного головного убора, закрепленного с помощью гвоздевидной булавки (встречены в обоих погребениях) и украшенного различными привесками, расположенными в том числе у висков, а также нанизанными на кожаный шнур, свисавший от затылка до пояса. Вероятно, эта деталь убора связана с украшением косы и предполагает ее наличие. Также обращает на себя внимание наличие в этом комплекте в обоих погребениях подвесок в виде топора и в виде секиры, имевших, видимо, одинаковую смысловую нагрузку культового характера.

Другой яркой деталью костюма можно считать пояс, который предположительно могли скреплять круглые литые бляхи, а также браслеты (парные или одиночные), украшавшие запястья погребенных.

Шеи обеих женщин украшали гривны, являвшиеся престижным предметом и социальным маркером. Их наличие в костюме можно трактовать как признак высокого социального положения погребенных женщин. На это указывает и относительное богатство захоронений. Сходство состава инвентаря и костюмов погребенных, наличие культовых предметов (амулетов) и явное совпадение смысловой нагрузки некоторых из них (подвески в виде топора и в виде секиры) позволяет предположить, что обе погребенные женщины относились к одной социальной группе и исполняли в обществе близкие функции. То есть вероятнее всего, являлись жрицами, и здесь также прослеживается связь знатной женщины — возможно, жрицы — с образом барана.

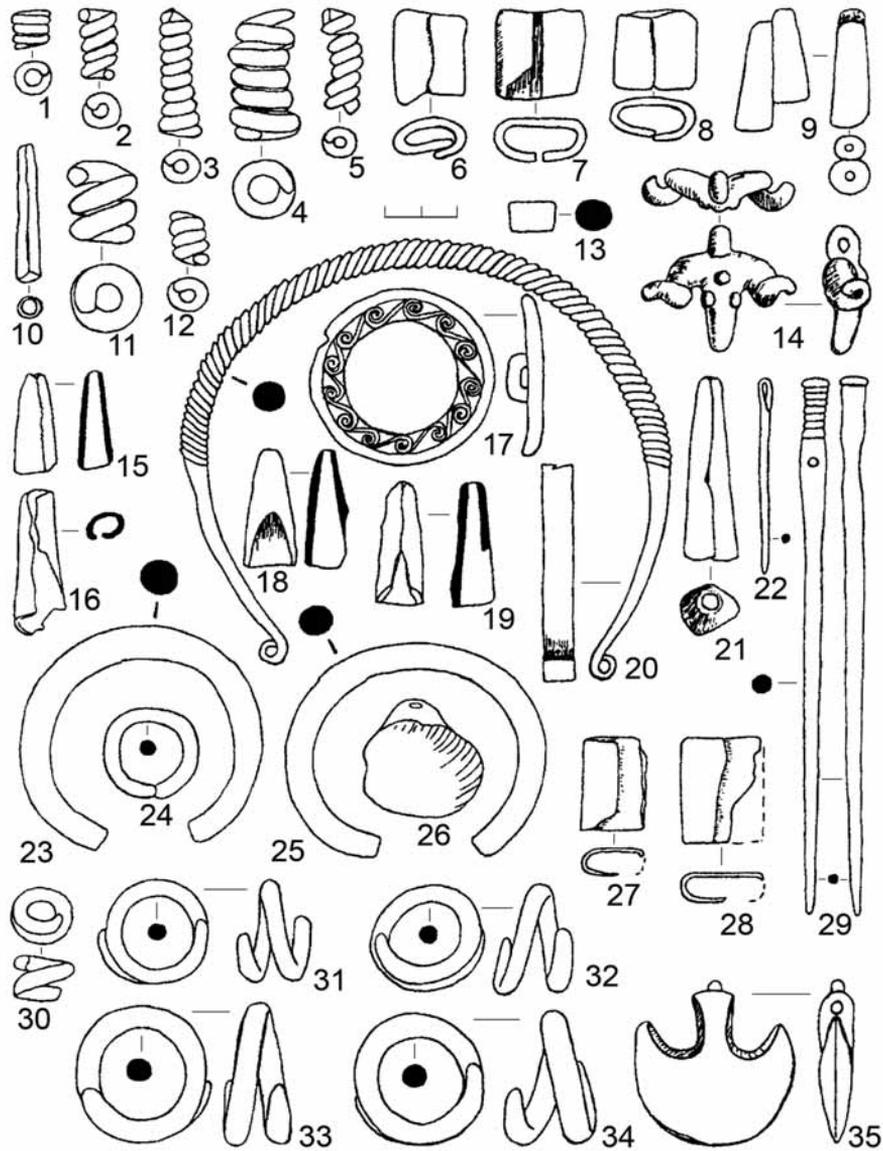

Рис. 1. Акарский могильник. Находки из каменного ящика № 5: 1–5, 11–12 — спиральные пронизи; 6–8, 27–28 — обоймочки; 9–10, 15–16, 18–19, 21 — конические пронизи; 13 — заготовка бус; 14 — подвеска в виде головы барана; 17 — бляха; 20 — гривна; 22 — игла; 23, 25 — браслеты; 24 — кольцевидная подвеска; 26 — каспийская раковина; 29 — гвоздевидная булавка; 30–34 — подвески в полтора оборота; 35 — секировидная подвеска (1–12, 14–17, 20–25, 29–35 — бронза; 18–19, 27–28 — железо).

Fig. 1. Akyar burial ground. Finds from stone box 5: 1–5, 11–12 — spiral pendants; 6–8, 27–28 — holders, 9–10, 15–16, 18–19, 21 — conical pendants; 13 — billet beads; 14 — pendant in the form of ram's head; 17 — plaque; 20 — torque; 22 — needle; 23, 25 — bracelets; 24 — ring-shaped pendant; 26 — Caspian shell; 29 — pin in the form of a nail; 30–34 — pendants in 1.5 turns; 35 — ax-like pendant (1–12, 14–17, 20–25, 29–35 — bronze, 18–19, 27–28 — iron).

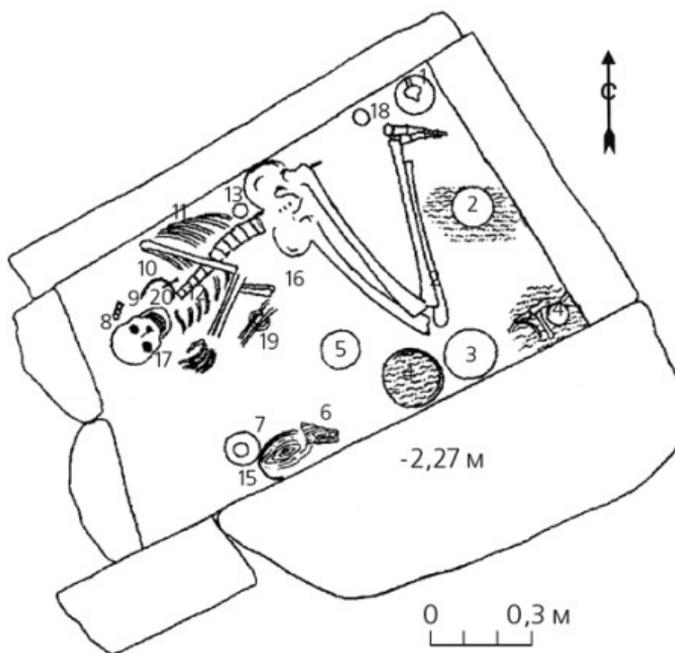

Рис. 2. Акярский могильник. План каменного ящика № 7: 1 — кувшин; 2, 4 — деревянные миски; 3, 5, 15 — горшки; 6 — остатки дерева; 8 — бляшка; 9 — топовидная привеска; 10 — гривна; 11 — привеска; 12 — коромысловидное изделие; 13 — бляха; 14 — сосуд; 16 — каури; 17 — комплект украшений (подвеска в 1,5 оборота и 3 каспийские раковины); 18 — сосуд; 19 — браслет; 20 — гвоздевидная булавка.

Fig. 2. Akyar burial ground. Plan of stone box 7: 1 — pitcher; 2, 4 — wooden bowls; 3, 5, 15 — pots; 6 — wood fragments; 8 — plaque; 9 — axe-like pendant; 10 — torque; 11 — pendant; 12 — object in the form of a shoulder pole; 13 — plaque; 14 — vessel; 16 — cowries shell; 17 — jewelry set (a pendant in 1.5 turns, and three Caspian shells); 18 — vessel; 19 — bracelet; 20 — nail-shaped pin.

Описанную подвеску в виде головы барана В. И. Козенкова относил к кобанской культуре (Козенкова 1982: 161). Действительно, в акярской подвеске заметно большое сходство с кобанскими литыми подвесками в виде голов баранов, большинство из которых также имеют петлю для подвешивания и раскидистые витые рога (Уварова 1900: табл. XXXV: 3–4; XCIII: 2–3, 5).

Для начала — середины I тыс. до н. э. известно еще немало изделий, в которых прослеживается влияние культуры племен Центрального Кавказа (обзор изделий кобанского типа с территории Северо-Восточного Кавказа см. Козенкова 1978: 160–164, рис. 5; Маммаев 1989: 24). Подобная связь, несомненно, не только выражалась в заимствовании передовых методов обработки металла и особенностей художественного стиля, но также подразумевала и определенную общность культовых представлений, поскольку практически все сложные металлические изделия с зооморфными изображениями несли определенную религиозно-идеологическую нагрузку. Заимствование подобных изделий без существенной трансформации запечатленных на них образов подразумевает и определенную общность в их понимании.

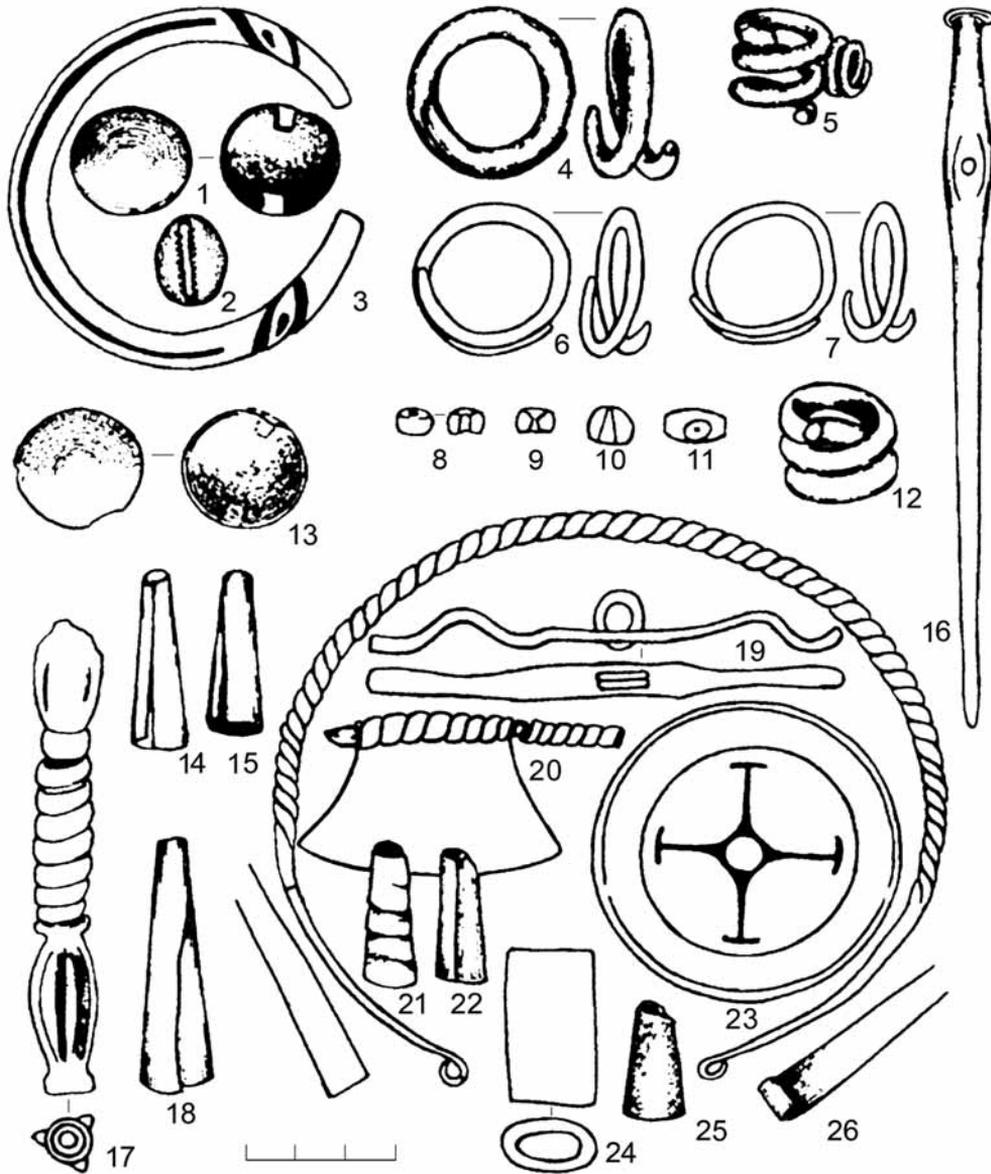

Рис. 3. Акярский могильник. Находки из каменного ящика № 7: 1, 13 — бляшки; 2 — каури; 3 — браслет; 4–7, 12 — подвески в полтора и два с половиной оборота; 8–11 — бусы; 14–15, 18, 21–22, 25 — конические подвески; 17 — спиральная подвеска; 19 — коромысловидное изделие; 20 — топоровидная привеска; 23 — бляха; 24 — обоймочка; 26 — гривна (1, 3–7, 12–21, 23, 26 — бронза; 22, 24–25 — железо; 8–10 — сердолик; 9 — стеклянная паста).

Fig. 3. Akyar burial ground. Finds from stone box 7: 1, 13 — plaques; 2 — cowries; 3 — bracelet; 4–7, 12 — pendants of 1.5 and 2.5 turns; 8–11 — beads; 14–15, 18, 21–22, 25 — conical pendants; 17 — spiral pendant; 19 — object in the form of a shoulder pole; 20 — axe-like pendant; 23 — plaque; 24 — holder; 26 — torque (1, 3–7, 12, 13–21, 23, 26 — bronze; 22, 24–25 — iron; 8–10 — carnelian; 9 — glass paste).

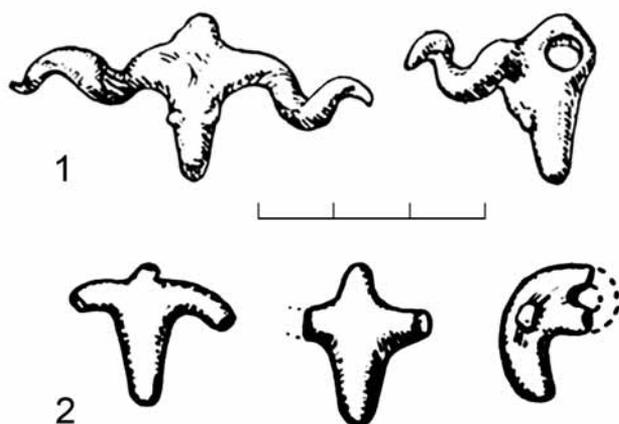

Рис. 4. Подвески в виде голов баранов из Урцекского некрополя (Дагестан, албано-сарматское время): 1 — подвески из склепа № 1; 2 — подвески из склепа № 3.

Fig. 4. Pendants in the form of ram's head from the necropolis of Urtseki (Albanian-Sarmatian time, Dagestan): 1 — pendants from tomb 1; 2 — pendants from tomb 3.

Несколько бронзовых подвесок в виде реалистически выполненных головок баранов известны в Дагестане и в албано-сарматское время (обнаружены в погребениях Урцекского и др. могильников — рис. 4). Эти подвески аналогичны акярской подвеске, и все они имеют сходство с кобанскими литыми подвесками в виде голов баранов. Все это позволяет связать происхождение данных подвесок с традициями кобанской культуры. Это означает не прямое заимствование, а только то, что форма изделия и, отчасти, связанный с ним образ были некогда восприняты под влиянием культуры соседних племен и, по-видимому, органично вписались в местные верования, став элементом местной духовной и материальной культуры. Такие подвески, по всей вероятности, выполняли роль оберегов-талисманов. Наряду с подвесками в виде голов баранов в памятниках Дагестана албано-сарматского периода гораздо чаще встречаются многочисленные подвески в виде голов быков, причем в том числе и в женских погребениях (Дербентский могильник).

Символика этих подвесок определяется значением образов быка и барана. При этом значимыми для применения изделия в качестве амулета — предмета, должного обеспечивать защиту, придавать плодовитость, силу, привлекать блага — выступали не все сверхъестественные черты, присущие мифологическим образам этих животных. Если сравнивать значимые функции подвесок в виде голов барана и в виде голов быка, то можно заметить, что они во многом совпадают. Главным образом это функции оберега и привлечения силы и плодородия. Такие выводы подкрепляются и дагестанскими, и, шире, кавказскими этнографическими данными.

Близость значения синхронных и столь сходных по многим параметрам предметов (подвеска-амулет, форма в виде головы животного, выделенные рога) вполне понятна, но наряду с объяснимым сходством использование разных образов животных подразумевает и различия. Один из вариантов понимания разницы в роли этих подвесок может быть связан с восприятием быка как символа агрессивной мужественности и повышенной мужской сексуальности. Почитание быка, как олицетворения сил плодородия, мужского производящего начала, нашло яркое отражение в этнографии и фольклоре дагестанских

народов (Гаджиев 1991: 99–100; Булатова 1988: 43–46, там же см. библиографию и параллели; Агларов 2005: 203–208). При этом баран также выступает как символ плодородия, но несколько менее агрессивный.

Отсюда можно предположить, что подвески в виде голов быков олицетворяли мужское начало и были связаны с мужским божеством, а подвески в виде голов баранов ассоциировались преимущественно с женским началом. Здесь можно вспомнить вышеупомянутую находку подвески в форме головы барана в женском погребении Алярского могильника, а также намеченную Б. Тержан связь женских погребений Тлийского могильника с образом барана. Однако, как представляется, эта связь не являлась строго канонической, и данные наблюдения можно расценивать как тенденцию.

Следующий логический шаг обуславливает известная в мифологии связь образа барана с солнцем и отмеченная возможная связь с женским солнечным божеством. Черты этой солнечной богини, по-видимому, и нашли отражение в образе Медеи. Вообще, для мифологии кавказско-иберийских (и в том числе дагестанских) народов, в отличие от большинства других мифологических систем, характерна персонификация Солнца в образе женщины, а Луны — в образе мужчины. Солнце и Луна выступают то как брат и сестра, то как возлюбленные, то как муж и жена или как сын и мать. Зачастую имеет место и инверсия образов, когда Солнце выступает в мужском, а Луна в женском облике (см. Мифы народов мира 1987: 604; Гаджиев 1991: 81–85; Сефербеков 2009: 41–102). В целом же весь комплекс данных, приведенных как в статье проф. Б. Тержан, так и в этой заметке, наводит на мысль о распространенном в древности на всей территории Кавказа культе женского божества, тесно связанного с Солнцем.

Возвращаясь к интересным наблюдениям проф. Б. Тержан, хочется отметить, что, хотя некоторые заключения находят подтверждение в приведенных выше материалах Северо-Восточного Кавказа, в целом эти выводы нуждаются в дальнейшей разработке, в том числе с опорой на ретроспективное привлечение многочисленных материалов кавказской этнографии и фольклора.

Древнее общество, оставившее Тлийский могильник, предстает сложным, социально стратифицированным и с богатыми религиозно-мифологическими воззрениями. Постараться раскрыть духовный мир этого общества, а в перспективе и верования других древних обществ Кавказа — сложная и важная научная задача, стимулом к разработке которой может послужить статья проф. Б. Тержан.

Литература

- Агларов М. А. 2005. «Когда мой праздник празднуют...» // Маммаев М. М. (ред.). Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала: Эпоха, 203–208.
- Булатова А. Г. 1988. Традиционные праздники и обряды народов Дагестана в XIX–начале XX в. Л.: Наука.
- Гаджиев Г. А. 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука.
- Давудов Ш. О. 2002. Археологические исследования вблизи дагестанского селения Башлыкент. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.

- Козенкова В. И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. М.: Наука (САИ. В2-5).
- Козенкова В. И.* 1978. О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА 3, 154–166.
- Маммаев М. М.* 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Мифы народов мира.* 1987. Т. II. М.: Советская энциклопедия.
- Сефербеков Р. И.* 2009. Пантеон языческих божеств народов Дагестана. Махачкала: Динем.
- Уварова П. С.* 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Типография Общества распространения полезных книг.

Райнхольд С.*

В кавказской археологии исследования такого рода, как обсуждаемая статья Б. Тержан, все еще являются редким исключением. В основном обсуждаются вопросы хронологии, хотя развивается и методика проведения сравнительного анализа и перекрестных датировок. Вместе с этим все больше внимания уделяется пониманию социальных аспектов культуры, что выводит на погребальный инвентарь, на основе которого делаются хронологические построения.

Тли является одним из немногих могильников, относительная последовательность погребений которого и абсолютная датировка вызывают у специалистов лишь незначительные расхождения (Техов 1977; Kossack 1983; Motzenbäcker 1996; Козенкова 1996; Reinhold 2007; см. однако Apakidze 2009). Поэтому вполне ожидаемо, что изучаются другие аспекты, такие как социальная и половозрастная дифференциация погребенных.

Представленные Бибой Тержан таблицы хорошо показывают четкие различия между инвентарем мужских и женских погребений. Одновременно они, однако, демонстрируют многообразие, прежде всего, женского костюма. Это также прослеживается по опубликованным в 2002 г. остальным погребениям могильника Тли (Техов 2002), которые могли бы подтвердить выдвинутую Б. Тержан аргументацию, дополнив ее данными по еще ряду погребений с деталями женского костюма и фигурками барана.

По сравнению с другими региональными группами кобанско-колхидской культуры, костюм в центральном высокогорном массиве памятников, и не только в Тли, состоял из множества различных деталей и всего нескольких общих элементов: ножные браслеты, бронзовые пояса, ромбические бляшки-нашивки, ожерелья из бус (Reinhold 2007: 180–181). Тли — одно из немногих местонахождений в пределах кобанско-колхидской культуры, где, по всей вероятности, в погребальном инвентаре также отражено личное или семейное богатство, а не только место умершего в иерархической лестнице социальной системы

* Перевод с немецкого М. Т. Кашубы.